МАРК ВОРОНОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ГОРИЗОНТ

Марк Воронов

Параллельный горизонт

«Автор»
2026

Воронов М.

Параллельный горизонт / М. Воронов — «Автор», 2026

2026 год. Якутия. Новейшая буровая пробивает вечную мерзлоту на глубине 140 метров — и ловит встречный удар. Электроника горит, из скважины рвется раскаленный газ, а по рации сквозь треск статики пробивается голос советского мастера. На календаре собеседника — ноябрь 1954 года.Две вахты, разделенные 72 годами, вскрыли один аномальный пласт. Они намертво спаяны общим давлением. Если на морозе заглохнет старый танковый дизель в прошлом — площадка в будущем взлетит на воздух от гидроудара. Если современная гидравлика не удержит подпор — советская партия сгорит заживо.Радиомост мертв. Координация идет вслепую — ударами лома по натянутой бурильной трубе. Им предстоит синхронно запечатать аномалию, удержать сдвиг миллионов тонн породы и перехитрить саму историю. По архивам бригада должна быть уничтожена через сутки, и команда МГБ уже несет к устью фугасы.Один забой. Две эпохи. И всего один шанс выжить.

© Воронов М., 2026
© Автор, 2026

Марк Воронов
Параллельный горизонт

Глава 1

ГЛАВА 1. Нулевой пикет

За бортом отапливаемого модуля «ГеоТех» было тридцать восемь градусов мороза. В бассейне Олгуйдаха такой мороз превращал воздух в ледяную взвесь. В свете диодных прожекторов висела мелкая ледяная пыль. Лиственницы на сопочном увале потрескивали от наледи. Иногда особенно громко — почти как выстрел.

Начальник изыскательной партии Климов Алексей Сергеевич стоял у наклонного остекления кабины бурового мастера, положив руки в тяжелых утепленных верхонках на поручень операторского кресла. Через армированное стекло просматривалась вся рабочая площадка гусеничного комплекса.

Под трехслойным тентом пахло веретенным маслом, дизелем и мокрым шламом. Тяжелый четырнадцатилитровый дизель установки Epiroc CS14 гудел ровно, низко, на трех тысячах оборотов в минуту. Вибрация от двигателя уходила в стальные швеллеры и чувствовалась даже через подошвы сапог.

— Сними два миллиметра по подаче, Миша, — не поворачивая головы, проговорил Климов. Голос у него был сухой, приглушенный шумом гидравлики. — Прослойка идет. Слышишь, как вертлюг взвизгивает?

Машинист Михаил — коренастый, плечистый мужик с обветренным лицом — коротко кивнул. Его пальцы плавно потянули на себя рычаг регулировки давления гидравлического насоса. На сенсорной панели КИПиА цифры мгновенно изменили цвет с зеленого на янтарный:

Глубина ствола: 139,4 м

Осевая нагрузка: 2,4 т

Крутящий момент: 1850 Н·м

Обороты вращателя: 420 об/мин

— Идет сухая брекчия, Алексей Сергеевич, — проворчал Михаил, не отводя взгляда от цифрового манометра промывочной линии. — Снаряд дёргает. Алмазы на коронке жалко, если сейчас в кварцевую жилу впрессуемся. Может, керосинчику в гидросистему добавить для вязкости?

— Не надо, — Климов шагнул к пульту и навис над монитором каротажного модуля. — Нам нужно поднять чистый керновый столбик. По техническому заданию на ста сорока метрах должен начаться контактный горизонт с метасоматитами. Если размоем материал — лаборатория нас закроет без оплаты рейса. Держи четыреста оборотов и не дави.

Климов вгляделся в график механической скорости проходки. Линия механической скорости вдруг сбилась с привычного ритма и пошла скачками. Индикатор момента на гидроприводе верхнего вертлюга дернулся вправо, зашкаливая за две с половиной тысячи ньютон-метров, а затем почти обнулился. Казалось, снаряд провалился в пустоту.

Но пустоты на этой глубине быть не могло. Геофизический профиль, снятый накануне каротажной станцией Елены, инженера партии, показывал на ста сорока метрах абсолютный, непроницаемый монолит с аномально высокой плотностью.

— Прихватывает? — быстро спросил Михаил, поднимаясь с кресла и перекладывая руку на аварийный сброс гидравлики.

— Нет... — Климов прищурился, вглядываясь в шлам, выходящий из сливного желоба в приемную емкость.

Вместо привычной серо-зеленой каменной мути из устья скважины повалила эмульсия бледного медно-рыжего оттенка. Рыжая масса выходила сгустками. От неё поднимался тонкий маслянистый пар и оседал плёнкой на стеклянных колбах вибросита.

— Лена! — крикнул Климов в переговорное устройство связи с кунгом геофизиков. — Лена, иди на площадку. У нас пошел аномальный шлам. Посмотри, что за порода.

Через полминуты дверь тепляка хлопнула, обдав помещение клубом морозного пара, и на площадку взбежала Елена — худая, подтянутая девушка в тяжелом пуховике с логотипом компании и геофизическом планшете на шее. Она на лету сдернула верхонку, подхватила с края желоба латунный шпатель и зачерпнула рыжую массу.

— Что за чертовщина... — прошептала она, поднося шпатель к глазам. — Это не шлам, Алексей. Это не перетертая порода.

— А что это?

— Это самородная медь... Нет, не так. Это дисперсный медный шлих с какой-то органической пластичной связующей. Посмотри на структуру!

Она поднесла к массе портативный экспресс-спектрометр. Узкий синий луч прибора сканировал пробу буквально три секунды, после чего экран устройства замигал красным предупреждающим сигналом, и прибор выдал сообщение об ошибке калибровки: Density Out of Range (Плотность вне диапазона).

— Он не может рассчитать атомную массу, — сказала Елена. Она несколько секунд смотрела на экран, будто надеялась, что цифры изменятся. — Прибор показывает содержание меди выше девяноста восьми процентов, но решетка не кубическая. Она... будто спрессована под давлением, которого здесь вообще быть не должно.

— Миша, глуши вращатель! — резко скомандовал Климов.

Машинист ударил ладонью по красной грибовидной кнопке остановки. Двигатель зарычал, сбрасывая обороты до холостых, клапаны гидравлической системы стравили избыточное давление с оглушительным шипением.

Но мачта буровой установки не успокоилась.

По стальным раскосам пятнадцатиметровой мачты прошла дрожь. Это шло не от двигателя. Звук поднимался снизу, прямо из скважины. Бурильная колонна из высокопрочной стали диаметром 89 миллиметров, уходящая в вечную мерзлоту на сто сорок метров, гудела, как гигантская струна.

Вууумммм... Вууумммм... Вууумммм...

Гул был настолько низким, что у Климова заломило зубы и тяжело сдавило грудь. На полке над пультом управления самопроизвольно подпрыгнул и упал набок гаечный ключ.

— Алексей Сергеевич... — тихо позвал Михаил, указующим пальцем показывая на панель приборов. — Посмотри на электронику.

На экранах пошли белые полосы. Графики рассыпались в пиксели. Сенсорный монитор каротажного комплекса мигнул дважды, выдав на прощание кракозябры поврежденной прошивки, и полностью погас.

Следом за ним одна за другой начали гаснуть диодные панели освещения площадки. Тепляк погрузился в сумрак, разбавляемый только оранжевыми отблесками аварийных светодиодов, работавших от резервных аккумуляторов.

— Электромагнитный импульс? — Елена прижала к груди бесполезный планшет, экран которого превратился в белое свечение. — Но откуда? В радиусе двухсот километров нет никакой инфраструктуры! Ни ЛЭП, ни военных объектов!

— Сергей! — Климов выскочил из кабины на настил и закричал в сторону тамбура, ведущего в аппаратный модуль. — Серега, что с питанием?! Почему сели контроллеры?!

Из аппаратной выскочил Сергей — полевой электрик и специалист по связи. В руках он сжимал портативный мультиметр, провода которого дымились.

— Сгорела CAN-шина! — крикнул он, перекрывая гул затихающего дизеля. — Наводка шла прямо по бурильной колонне! Как будто мы на глубине пробили кабельную линию высокого напряжения! Силовые транзисторы в блоке управления вращателем выгорели в хлам, обуглились плато текстолита! Автоматика мертва, Алексей! Мы не можем ни приподнять снаряд, ни провернуть колонну!

Климов быстро прикинул последствия. Если за полчаса не вернуть промывку и вращение, колонну прихватит намертво: эмульсия схватится с мерзлыми породами, зажав инструмент в мертвые тиски, а еще через час замерзнет вода в шлангах.

— Так, без паники! — голос Климова прозвучал резко и сухо, сразу вернув бригаде рабочую собранность. — Миша, переводи гидравлику на ручной аварийный распределитель. У нас остался прямой механический привод от двигателя через коробку отбора мощности?

— Остался, — запятнанный сажей Михаил вытер лоб рукавом. — Но переключать надо вручную, монтировкой через люк раздатки. И мы не будем видеть давление в линии — датчики-то все спеклись!

— Будем работать по звуку дизеля и визгу клапана. Залезай под капот. Лена — бери термосы, тащи на площадку, греем устье паяльными лампами, чтобы не схватило мерзлоту. Сергей — живо в кунг связи! Врубай резервную радиостанцию, связывайся с базой в Ленске. Передавай: у нас аварийная остановка проходки, отказ из-за аномального ЭМИ. Пусть готовят вертолет с запчастями.

— База не ответит, — тяжело сказал Сергей, опустив руки. — Спутниковая тарелка «Ямал» на крыше кунга сгорела вместе с головкой конвертера. Облучатель расплавился. У нас нет связи с внешним миром, Алексей Сергеевич. Мы полностью отрезаны.

Климов замер. Снаружи трещал мороз, а рама буровой время от времени отзывалась сухим щелчком.

— На чем у нас осталась связь? — спросил Климов.

— На старом резерве, — ответил Сергей. — В кунге в ящике НЗ лежит аналоговая ламповo-транзисторная радиостанция «Ангара-1» семьдесят какого-то года выпуска. Ей на ЭМИ-импульсы плевать, там ломаться нечему. Но у нее антенна — обычный провод-диполь. Нам нужно заземление.

— Подключай ее к заземляющему контуру буровой мачты, — произнес Климов. — Мачта через бурильную колонну уходит на сто сорок метров в землю. Лучшего заземлителя в этой тайге мы не найдем. Бегом!

Спустя десять минут Климов и Сергей стояли в тесном, пахнущем канифолью и старой изоляцией кунге связи. На столе, освещенном тусклой лампой накаливания от 12-вольтового аккумулятора, стояла тяжелая, зеленая металлическая коробка радиостанции.

Сергей зачистил конец толстого медного провода, идущего от заземляющей шины буровой мачты, и зажал его под массивную клемму на задней панели трансивера.

Он щелкнул тумблером питания.

В динамике трещала не обычная статика. Звук накатывал волнами, пульсируя точно в такт тому самому низкому гулу, который до сих пор отдавался в стальной мачте установки.

Шссссс... Хрррр... Вуууммм... Шсссс...

— Попробуй вызвать Ленск или любую геологоразведочную партию на дежурной частоте, — сказал Климов, склонившись над аппаратом.

Сергей взял тяжелую карболитовую гарнитуру, зажал клавишу передачи и произнес:

— «Рассвет», говорит пикет «ГеоТех», река Олгуйдах. Аварийный вызов. У нас отказ автоматики, прихват бурового снаряда на ста сорока метрах. Кто меня слышит? Прием.

Он отпустил клавишу. Из динамика снова вырвался шелестящий гул статического электричества. Сергей подкрутил ручку настройки верньера, изменяя частоту. В эфире проскочили морзянка далекой метеостанции, треск грозовых разрядов за тысячи километров отсюда и вдруг...

Сквозь свист и треск зазвучал человеческий голос.

Голос пробивался сквозь треск короткими фразами. На заднем плане грохотал какой-то старый механизм:

«...мать твою, Гришка, стравливай балласт! Заклинит шпиндель! Дизель греется, пятьдесят атмосфер в гидравлике! Василий, бери ключ, перехватывай трубы на нащельнике! У нас забой газит, слышишь?! Метан пошел!..»

Климов и Сергей переглянулись.

— Это кто? — шепотом спросил электрик. — Какая еще гидравлика на пятьдесят атмосфер? Какой еще дизель В2? Сейчас такие установки лет сорок как не используют! Это что, артельщики какие-то на старом станке бурят в нашем квадрате?

— В нашем квадрате на пятьдесят километров вокруг никого нет, — тихо ответил Климов. Он выхватил микрофон из рук Сергея, зажал клавишу и произнес в эфир:

— Неизвестная буровая, говорит начальник изыскательной партии «ГеоТех» Климов Алексей Сергеевич. Вы работаете на нашей частоте. Назовите свои координаты и визуальные ориентиры. У нас авария на пикете, вы создаете помехи!

Несколько секунд в эфире было тихо, сквозь нее слышно было только ровное, тяжелое дыхание. А затем тот же хриплый голос, произнося слова с характерным, жестким акцентом, ответил прямо и зло:

«Какой еще "ГеоТех"?! Какая еще партия?! Ты мне тут зубы не заговаривай, провокатор! Я — старший буровой мастер геологоразведочной партии номер двенадцать Захаров! Мы стоим на нулевом пикете у реки Олгуйдах! У меня шурф газит сероводородом, двигатель заклинило, а ты мне в эфир какую-то ахинею несешь! Кто такой?! С какого ведомства?! Доложи номер допуска ГУЛАГа или НКВД, иначе я связь перекрываю и пишу рапорт в комитет!»

Сергей медленно опустил руки. Лицо его в тусклом свете лампы вдруг побледнело, став почти меловым.

— Алексей Сергеевич... — пересохшими губами прошептал он, с ужасом глядя на динамик радиостанции. — А помнишь, когда мы на пикет поднимались... там, выше по склону на сопке, камень стоит? Ну, как памятник старый...

Климов медленно повернул к нему голову. Он тоже вспомнил этот тяжелый серый валун у заросшей вездеходной колеи.

— Там еще табличка ржавая анкерами прибита, — голос электрика дрогнул. — На ней выбито: «Геологоразведочная партия 12. Захаров, Степанов, Гришин, Ковалев. 1954 год. Пропали без вести».

Климов несколько секунд молчал, ощущая, как под тяжелой курткой по спине пробежал ледяной холод. Затем он медленно поднес гарнитуру к губам:

— Захаров... Назови текущую дату. Какой сегодня год?

Из динамика сквозь грохот падающих металлических труб и шипение вырывающегося из скважины газа пробился резкий, не допускающий возражений ответ:

«Ты там что, на морозе совсем башку отморозил?! Пятое ноября тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года! Третья смена! Не мешай работать, урод, у нас забой горит!»

В кунге стало тихо. Было слышно только, как в углах металлического кузова потрескивает от мороза термоизоляция, да сухой треск статики в динамике радиостанции отбивал неравномерный, дробный ритм.

Сергей медленно осел на фанерный табурет у операторского стола, не сводя глаз с зеленой лицевой панели трансивера. Его пальцы, испачканные графитовой смазкой, судорожно сжались в кулаки.

— Алексей Сергеевич... — тихо, почти беззвучно проговорил он, сглатывая слюну. — Это разыгрывают нас, да? Ребята из Ленска решили прикольнуться? Волна какая-нибудь радиолюбительская пробилась? Или запись старую крутят?

— Какая запись, Серега? — Климов стоял жестко, ссутулив широкие плечи, и не отрывал взгляда от динамика, за которым угадывался живой, хаотичный шум чужой буровой площадки. — Ты слышишь, как у него дизель ревет? Как метан из скважины свистит? Такую акустику в

записи не подделаешь. И потом... откуда у радиолюбителей в Ленске знание геометрии нашего пикета? Мы сюда зашли три дня назад по закрытому контракту.

Климов снова выхватил тяжелую гарнитуру, зажал кнопку передачи и выдохнул в мембрану:

— Захаров, слушай меня внимательно! Говорит Климов. Никаких провокаторов здесь нет. У меня на площадке четыре человека вахты, самоходная установка на гусеничном ходу. Мы стоим на левом берегу Олгуйдаха, в четырех километрах выше устья речки Хойка. В тридцати метрах от вышки — скальный выклинок красного гранодиорита с двойной надрубкой на коренном лиственничном пне. Подтверди ориентиры!

Из динамика радиостанции пробился короткий, злой смешок, перешедший в тяжелый надсадный кашель человека, наглотавшегося сероводорода.

«Надрубка у него... — прохрипел Захаров. — Гранодиорит! Ты мне географию нашего участка не зачитывай, инженер! Пень этот я лично месяц назад корчевал, когда мы санный поезд с базовым балком протаскивали! Только никакой вышки на гусеницах тут нет и в помине! На площадке стоит наша трехногая ВМ-15, тепляк из соснового бруса, обтянутый дранкой и войлоком, и станок ЗИФ-300М! Вокруг — тайга и мороз под сорок! Вы где сидите, черти?! В каком бункере?!»

— Мы сидим на той же самой площадке, Захаров! — Климов прижал наушник плотнее к уху. — Но у нас на календаре — две тысячи двадцать шестой год! Пятое ноября две тысячи двадцать шестого! Понимаешь ты своим умом или нет?! Между нами — семьдесят два года!

В эфире снова образовалась пауза. На этот раз она длилась дольше. Было слышно, как на том конце провода кто-то орет на заднем плане, перекрывая гул двигателя: «Гришка, перекрывай байпас! Давление в промывочной линии падает! Насос всухую берет!», после чего голос Захарова вернулся в канал. Он звучал иначе — пропала первоначальная агрессия, уступив место холодной, настороженной дисциплине фронтовика, столкнувшегося на разведке с непонятной угрозой.

«Слушай сюда, гражданин "будущий инженер", — произнес Захаров. — Я прошел от Сталинграда до Кенигсберга старшим сержантом саперного батальона. Меня сказками про путешествия во времени не испугаешь и с толку не сшибешь. Я знаю одно: если человек на той стороне провода знает устройство буровой и координаты пикета — он либо специалист, либо диверсант. Сейчас проверяться будем по-нашему, по-горняцкому. Без дураков».

— Давай, проверяй, — выдохнул Климов. — Задавай вопросы.

«Первый вопрос. Что у тебя за снаряд в забое?»

— Колонковый снаряд ССК, диаметр девяносто шесть миллиметров. Алмазная коронка с матрицей средней твердости для проходки по базальтам. Бурильные трубы спецсортимента Wireline, тонкостенные, высокопрочные.

В динамике послышалось тяжелое дыхание Захарова.

«Алмазная... — пробормотал он. — Нам алмазные коронки только по спецнаряду Главуралгеологии обещали в следующем году прислать. Мы идем твердосплавной победиткой, коронка К-100, восемьдесят девятый диаметр. Второй вопрос: какая главная причина прихвата снаряда на ста сорока метрах у тебя прямо сейчас?»

— У нас не шламовый прихват, — быстро ответил Климов, чувствуя, как от напряжения на лбу выступает холодный пот. — У нас на ста сорока метрах шел резкий скачок крутящего момента на вертлюге. Из скважины повалил не нормальный шлам, а медно-содержащая пластичная масса высокой плотности. Вертлюг заклинило, а по колонне пошел электромагнитный импульс, который сжег всю цифровую автоматику.

На том конце эфира кто-то громко ругнулся. Послышался глухой, металлический удар — судя по всему, тяжелый рожковый ключ бросили на стальный настил.

«Мать твоя святая... — шепотом выговорил Захаров. — Гришка... Степанов... Идите сюда, послушайте, что этот сумасшедший говорит...»

— Захаров! Подтверди! У вас то же самое?! — крикнул Климов в микрофон.

«У нас на ста сорока одном метре твердосплавная коронка вязнуть начала, — медленно, проглатывая слова, ответил советский мастер. — Мы думали — жила самородной меди. Дали напор промывки от насоса, подняли обороты шпинделя на станке. А оттуда как попрет рыжая грязь! Горячая, маслянистая! Дизель взревел, как подбитый танк, муфту сцепления в дым слизало! А потом из устья пошел газ и... статика. У нас лампы на двадцать вольт в тепляке сами собой загорелись, без генератора! Гришка радиостанцию заземлил на вышку, чтобы наведенный заряд снять — а оттуда твой голос!»

В дверь кунга связи резко постучали. Дверь захлопнулась, обдав маленькое помещение новым клубом ледяного пара, и внутрь буквально ввалилась Елена. Ее лицо под капюшоном было бледным, глаза расширены от испуга.

— Алексей! — задыхаясь, проговорила она. — Посмотри на это!

Она протянула Климову прозрачный стеклянный бюкс, в который на площадке зачерпнула аномальный рыжий шлам из сливного желоба.

Климов взглянул на сосуд и онемел.

Рыжая масса в закрытом бюксе вдруг дрогнула. Частицы меди начали собираться в правильные окружности, складываясь в причудливый кристаллический рисунок. И эта структура пульсировала.

— Смотрите... Она реагирует на радиостанцию, — шепотом сказала Елена. — Не на звук — на электромагнитные колебания! Каждую секунду, когда из динамика раздается голос того человека... масса меняет плотность. Это не порода, Алексей. Это жидкий пьезоэлектрик!

Климов снова схватился за микрофон:

— Захаров! Ты меня слышишь?!

«Слышу тебя, Климов, — голос советского мастера звучал глухо и недоверчиво. — Слышу. Степанов — наш геолог, выпускник Ленинградского — сейчас керновую пробу из прошлого рейса под лупой смотрит. Говорит, эта медная дрянь не из пласта лезет. Она в узком канале спрессована. Складно ты всё про медь и статику стелешь, инженер. Да только слова к делу не пришьешь. Мало ли какая аппаратура у вашей разведки имеется — может, вы в соседнем распадке сидите и наши приборы хитрой волной глушите».

— Захаров, у нас нет времени на подозрения! — Климов сжал гарнитуру так, что затрещал пластик корпуса. — Мы стоим с вами на одной геодезической оси и бурим один ствол!

«А вот это мы сейчас проверим наверняка, — отрезал Захаров. — Хочешь, чтобы я в твои семьдесят два года поверил? Будет тебе последняя проверка. Я сейчас прямо в бурильные трубы кое-какой гостинец со своей площадки отправлю. Что именно — не скажу. Если мы и правда один забой с двух концов сверлим, оно к тебе со шламом выйдет. Назовешь мне в точности, что из трубы прилетело — поверю. Соврешь или не ответишь — глушу связь и запечатываю шурф!»

— Давай, сбрасывай! — скомандовал Климов и повернулся к дверям кунга: — Миша! Лена! Бегом на площадку к сливному желобу! Смотрите за выходом шлама!

Сергей выскочил из кунга вслед за геофизиком. Климов остался у радиостанции, затаив дыхание. В динамике, чуть отдаленно — Захаров явно прикрыл микрофон ладонью, — пробивались тяжелые, размеренные команды:

«Василий, тащи ведро из угла, то самое! Гриша, отворачивай сальниковую головку! Заливай прямо в колонну! Всё до дна выливай! Пошел, пошел, не зевай!»

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать.

С улицы, с буровой площадки «ГеоТех», донесся дикий, отчаянный крик Михаила:

— Алексей Сергеевич! Иди сюда! Скорее!

Климов бросил гарнитуру и выскочил из кунга.

На буровой площадке происходило нечто невероятное. Тяжелая бурильная колонна, зажатая в зажимах ротора и мертвой хваткой удерживаемая на глубине ста сорока метров, судорожно вздрогнула. Наземный сливной желоб, по которому шламовая эмульсия стекала в приемные емкости, содрогнулся от гидроудара.

Из устья скважины, выбивая защитно-очистительный манжет, с гулким, хлопающим звуком вырвался мощный поршень жидкой массы. Она ударила в стальной отбойник желоба, разлетаясь густыми брызгами.

Елена опустилась на колени прямо на обледенелый настил и поднесла палец к свежему выплеску.

Среди рыжей медной эмульсии отчетливо просматривались ярко-красные суриковые хлопья и свежие сосновые опилки.

— Алексей... — прошептала Елена, показывая ему стружку на ладони. — Мы бурим один и тот же ствол.

Климов посмотрел на вершину стальной мачты, потом повернулся и бросился обратно в кунг связи.

— Захаров! — закричал он в микрофон. — Сосновая опилка вышла! И красный сурик! Заделочный маркер для цементажа ты нам сбросил! Вы стоите прямо над нами, мы ведем один забой!

В радиоприемнике хрипела статика. Ответ Захарова пробился не сразу — он был глухим, растерянным, словно старый фронтовик, прошедший через ад войны, только что увидел своими глазами нечто такое, с которым он не знал, что делать.

«Вышла, значит... — тихо проговорил Захаров. — Опилка, говоришь, прошла... Степанов тут крестится, хотя комсомолец... Климов... Послушай меня, инженер. Если ты там, в будущем, сидишь с учеными головами и умными приборами... скажи мне, как старший мастер мастеру: что нам с этим забоем делать?! У меня давление в шурфе растет каждую минуту! Насос не справляется! Из скважины идет перегретый пар и метан! Если мы сейчас не запечатаем забой — мы тут все взлетим на воздух вместе с вышкой!»

Климов оперся руками о стол, чувствуя, как внутри закипает холодный азарт инженера, столкнувшегося с неразрешимой технической задачей.

— Запечатывать нельзя! — резко ответил он. — Если вы глухо запечатаете ствол со своей стороны, не стравив давление через расширитель, у нас в две тысячи двадцать шестом году произойдет мгновенный гидравлический разрыв пласта! Разорвет вечную мерзлоту под площадкой, и моя вахта рухнет в кипящий кратер!

«А если не запечатаем — мы сгорим прямо сейчас!» — крикнул Захаров.

— Мы будем работать вместе! — отрезал Климов. — Слышишь меня, Захаров?! Двумя вахтами! Ты — сверху из пятьдесят четвертого, я — снизу из две тысячи двадцать шестого! Мы отрегулируем давление в пласте, как в одном котле! Передавай управление забоем! Начинаем синхронизацию!

— Синхронизацию, говоришь?.. — Голос Захарова в динамике радиостанции пробивался сквозь густой свист пара и нарастающий рев советского танкового дизеля. — Ты легко рассуждаешь, инженер из будущего! У меня гидравлика шпинделя на трех сотнях атмосфер стоит! Манометр Бурдона до упора стрелку заложил, того и гляди стекло в лицо вылетит! Насос выплевывает промывку обратно в приемный бак!

— Захаров, слушай меня и не перебивай! — Климов перегнулся через стол радиостанции, прижимая гарнитуру к самому рту. — Если ты сейчас перекроешь задвижку на устье, ты создашь газовый пузырь! У тебя метан под давлением упрется в мой нижний конец колонкового снаряда. По закону Паскаля весь ваш гидроудар устремится ко мне вниз на сто сорок метров! Мою буровую установку просто сдует с направляющих гусениц вместе с тепляком!

— А мне что делать?! У меня люди сероводородом задыхаются! Степанов! — крикнул Захаров кому-то в сторону. — Не трогай байпас, идиота кусок! Руки сорвет!

— Захаров! — перекрывая шум эфира, крикнул Климов. — У вас на станке стоит ручной дроссельный клапан на байпасной линии слива раствора! Ты помнишь его устройство?!

«Помню! Бронзовый игольчатый клапан на сорок миллиметров!»

— Открути его на полтора оборота! Не больше и не меньше! — быстро заговорил Климов, мысленно восстанавливая схему гидравлики старых советских станков, которую изучил еще на младших курсах горного института. — Ты сбросишь избыточное давление в свой шламовый амбар, но удержишь противодавление на пласт! В это же время мой машинист вручную переключит гидравлику и даст встречный подпор промывки снизу! Мы зажмем аномальный пласт с двух сторон, как в гидравлических тисках!

На той стороне радиоэфира наступила короткая секунда замешательства. Было слышно, как Захаров тяжело, с хрипом дышит, а затем на заднем плане раздался его громовой, командный голос, от которого, казалось, должны были дрожать бревенчатые стены его тепляка:

«Гриша! Василек! К дросселю! Взять газовый ключ номер четыре! Откручивать плавно, на полтора оборота по часовой! Степанов, следи за манометром! Если стрелка пойдет ниже двухсот — глуши двигатель муфтой!»

В динамике раздался тяжелый, металлический скрежет. Судя по звуку, советские буровики в четыре руки, налегая всем весом на метровый стальный ключ, начали стравливать заклинивший бронзовый вентиль 1954 года.

Климов не стал ждать. Он выскочил из кунга связи и махом преодолел тридцать метров обледенелого настила, разделявших модуль связи и буровую площадку.

— Миша! — закричал он, подбегая к открытому капоту дизельного отсека.

Михаил лежал животом на горячем кожухе двигателя, запустив обе руки глубоко в сплетение гидравлических шлангов. Его лицо было черным от сажи и веретенного масла, а рядом лежала мощная стальная монтировка.

— Нашел распределитель? — выкрикнул Климов, наклоняясь к самому уху машиниста.

— Нашел, Сергеич! — отозвался Михаил. — Автоматика перекрыла аварийный золотник! Электромагнитный клапан заклинило в закрытом положении, когда сгорела CAN-шина! Я его сейчас вручную, монтировкой через упор давлю! Но мне нужен подпор! Если я давану сильнее — рванет рукав высокого давления на верхнем вертлюге!

— Дави! — жестко приказал Климов. — Пятьдесят атмосфер на манометре ручной линии! В пятьдесят четвертом они сейчас сбрасывают байпас! У нас есть ровно двадцать секунд, чтобы сбалансировать пласт! Если не удержим — колонну сожмет и скрутит в бараний рог!

— Взяли! — заорал Михаил.

Он уперся ногами в раму шасси и всем своим весом налег на стальную монтировку, пережимая заклинивший золотник гидравлического распределителя.

Под капотом современного шведского бурового комплекса что-то оглушительно щелкнуло. Силовой двигатель, до этого работавший на холостых оборотах, вдруг надсадно, тяжело зарычал. Из выхлопной трубы в морозное небо вырвался густой столб черного солярочного дыма. Гидравлические шланги высокого давления, толстые, как руки взрослого мужчины, мгновенно натянулись, превратившись в окаменевшие стальные жилы.

Мачта буровой установки содрогнулась.

Тяжелая бурильная колонна уходившая в глубину вечной мерзлоты, издала долгий, протяжный, металлический стон. Это не был звук разрушения — это был звук колоссального, упругого напряжения стальной трубы, которую зажали с двух противоположных концов с силой в сотни тонн.

— Алексей! Смотри на устье! — закричала Елена, указывая латунным шпателем на буровую головку.

Климов бросил взгляд на устье скважины.

Паровая эмульсия рыжевато-медного цвета, до этого с гулом и брызгами вырывавшаяся из сливного желоба, вдруг остановилась. Она застыла в стальном лотке, превратившись в густую, маслянистую пасту. Из ствола скважины перестало бить давление. Вместо бешеного выхлопа метана и пара из устья пошел сухой, ровный, горячий воздух, пахнущий паленой медью и древней, перегретой скальной пылью.

Температура воздуха над устьем поднялась настолько резко, что сосульки, висевшие на нижних раскосах мачты, мгновенно превратились в воду и с частым, дробным звоном застучали по стальному настилу площадки.

— Удержали... — задыхаясь, проговорил Михаил, постепенно ослабляя нажим на монтировку. — Сергеич... Мы его удержали. Давление встало.

Климов опустился на сухой деревянный ящик из-под керновых лотков, вытирая рукавом перчатки взмокший лоб. Руки у него мелкой, неконтролируемой дрожью отзывались на перенесенный стресс.

— Лена, — проговорил он, не поднимая головы. — Что показывает каротаж? Сними акустику вручную.

Девушка подбежала к портативному сейсмоприемнику, который она успела подключить напрямую к стальному основанию мачты через аналоговый осциллограф на батарейках. На маленьком монохромном экранчике прибора билась ровная, чистая зеленая синусоида.

— Невероятно... — прошептала Елена, оседая на корточки перед прибором. — Алексей, резонанс ушел. Колебания пласта стабилизировались на частоте сорок четыре герца. Это... это гармоника заземления.

— Что это значит на нормальном языке?

— Это значит, что наша бурильная колонна и их бурильная колонна 1954 года образовали единый, замкнутый проводник, — Елена подняла на него глаза, в которых смешались восторг и глухой, первобытный страх. — Пласт больше не детонирует. Мы уравновесили давление гидростатики. Сейчас скважина работает как гигантский тепловой клапан. У них сверху атмосферное давление пятьдесят четвертого года, у нас снизу — давление нашего горизонта. И пока обе установки держат подпор — пласт спать будет.

— А если кто-то из нас ослабит хватку? — тихо спросил Михаил, вылезая из-под капота.

— Если хотя бы одна вахта заглушит двигатель или попытается вытащить инструмент — гидроудар мгновенно уничтожит обе площадки, — ответила Елена. — Мы теперь намертво привязаны друг к другу. Мы не можем уйти отсюда.

Климов поднялся с ящика, подошел к стальной бурильной трубе, торчащей из ротора, и осторожно прикоснулся к ней ладонью в тонкой перчатке.

Сталь была горячей. Не теплой, а именно горячей — градусов шестьдесят, не меньше.

Климов достал из кармана тяжелый монтажный ключ, поднял его и трижды резко ударил по стальному боку трубы:

Кланг! Кланг! Кланг!

Звук ушел вниз по металлу, исчезая в темном жерле скважины.

Не прошло и полутора секунд, как из глубины ствола — прямо сквозь сто сорок метров базальта, вечной мерзлоты и семидесятидвухлетней толщи времени — донеслись три четких, металлических, откликающихся удара. Ктото на той стороне, в 1954 году, ответил тяжелым проходческим ломом по своей бурильной колонне:

Тук... Тук... Тук...

Климов развернулся и быстрыми шагами вернулся в кунг связи.

В кунге стоял густой запах нагретых радиоламп. Сергей сидел у радиостанции, прижав наушники к ушам, и быстро заносил что-то в полевой журнал. Увидев Климова, он снял один наушник и указал на микрофон.

Климов взял гарнитуру:

— Захаров. На связи Климов. Как обстановка на нулевом пикете?

Из динамика радиостанции пробился голос советского бурового мастера. В нем больше не было растерянности. Это был голос командира, удерживающего тяжелый, страшный, но понятный ему рубеж.

«Забой стабилизировался, Климов, — ответил Захаров. — Газ ушел. Температура на устье растет, но пар больше не бьет. Дизель перевели на средние обороты, манометры показывают норму. Мои мужики живы. Никого не запарило».

— Отлично, Николай... Можно я буду звать тебя по имени?

В эфире послышался сухой, короткий смешок.

«Зови по имени, инженер. Мы с тобой только что один забой из аду вытащили. Какое уж тут "вы". Рассказывай, что твоя наука говорит. Что это за яма такая, в которую мы с двух концов вломились?»

Климов сел на край стола, глядя на мерцающие индикаторы ламповой радиостанции.

— Наша наука говорит, Николай, что мы пробили технологический клапан. В фольклоре этих мест, у местных якутов, это место называют Вилюйскими Котлами. В журналах двухтысячных годов писали всякую мистическую чушь про инопланетян и подземные базы. Но на самом деле... мы имеем дело с природной геоинженерной аномалией. Это древний выход тяжелых, высокоплотных метасоматитов с гигантским содержанием меди. Пласт работает как колоссальный пьезоэлектрический накопитель.

«Накопитель... — медленно повторил Захаров. — То-то у нас лампы без сети горят. А радиоволна как между нами ходит?»

— Медный пласт сжат между двумя пластами базальта под колоссальным давлением, — объяснил Климов. — Он превратился в идеальный волновод. А наши бурильные колонны — твоя стальная победитовая и моя легкосплавная — сработали как две гигантские антенны, всаженные в этот волновод с разных сторон. Ты заземлил свою радиостанцию на вышку, я заземлил свою рацию на свою мачту. Мы замкнули контур.

В динамике на минуту воцарилась тишина. Было слышно только ровное гудение советского двигателя и шелест статики.

«Понятно... — произнес наконец Захаров. — Выходит, мы с тобой теперь как два вола в одной упряжке. Ни распрячься, ни бросить. Если я у себя дизель заглушу — у тебя давление сорвет. Если ты у себя бросишь — у меня забой сгорит».

— Именно так, Николай. Мы ведем один забой. В две смены. Только между сменами у нас не двенадцать часов, а семьдесят два года.

«Ну что же... — в голосе Захарова проснулась суровая, негнущаяся мужицкая гордость советского буровика. — Смена неплохая. Инженер у меня в будущем, видать, толковый. Не из боязливых. Слушай меня, Климов. У нас топлива для дизеля в расходном баке осталось часов на двенадцать. Потом надо из резервных бочек перекачивать ручным насосом. Нам надо составить четкий график работы. Как стравливать давление, как вести промывку и как дальше пробивать этот запечатанный пласт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.